

УДК 316.733

DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-12

Зубок Ю. А.
Чанкова Е. В.

Коммуникативная компетентность личности
в пространстве виртуальной реальности

Институт социально-политических исследований РАН
ул. Фотиевой 6, стр. 1, г. Москва, 119333, Россия
uzubok@mail.ru
chev3@yandex.ru

*Статья поступила 18 ноября 2019 г.; принята 8 декабря
опубликована 30 декабря*

Аннотация. Актуальность проблемы определена современной общественной динамикой, связанной с изменением форм коммуникации и способов ее саморегуляции. Информатизация, виртуализация, цифровизация являются наиболее общим основанием изменения социальной реальности и формирования нового коммуникативного пространства. Его особенностью является расширение реальности социальных взаимодействий посредством роста значимости его виртуальных форм. Объективные изменения в коммуникативной реальности требуют соответствующих навыков их регулирования. В пространстве виртуальной реальности главную роль играет саморегуляция, а ее основным механизмом – коммуникативная компетентность личности. Компетентность личности в пространстве виртуальной реальности представлена как способность сохранять свою социальность посредством владения подвижными знаниями, ценностями, нормами, умениями, способами поведения в условиях изменяющейся социальной реальности. Методологию исследования вопроса определили концепции социального пространства (П. Бурдьё), современного сложного общества (Дж. Урри, З. Бауман, С.А. Кравченко), информационного общества (М. Кастельс), социальной реальности (А. Шюц). На их основе разрабатывается концепция коммуникативной компетентности в условиях виртуальной среды интеракций. Дается определение коммуникативного пространства виртуальной реальности и коммуникативной компетентности личности в изменяющейся реальности. Обосновываются изменения, происходящие в коммуникативной компетентности, под влиянием виртуальности. Выделяются наиболее значимые характеристики ее структуры: формирование иного механизма формирования коммуникативной компетентности, смещение от принятия институционального образца к его конструированию; подвижность норм и практик интерактивного взаимодействия, рефлексивная саморегуляция индивидуальных интеракций и субъектная валидизация достоверности информации. Повышенная гибкость и мобильность коммуникации; ускорение, установка на поверхностные контакты и необязательность, эмоциональная автономность, снижение эмпатии и «сетевая жаргонизация» как формы рационализации коммуникативных интеракций.

Ключевые слова: социальное виртуальное пространство; изменяющаяся социальная реальность; коммуникативная компетентность личности;

социальность личности; рискогенность и интегрированность современного общества.

Информация для цитирования: Зубок Ю. А., Чанкова Е. В. Коммуникативная компетентность личности в пространстве виртуальной реальности // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, № 4. С. 139-150. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-12

Yulia A.I. Zubok
Elena V. Chankova

**Communicative competence of the personality in the space
of virtual reality**

Institute of Socio-Political Research, Russian Academy of Sciences
bld. 1, 6 Fotieva St., Moscow, 119333, Russia
uzubok@mail.ru
chev3@yandex.ru

Received November 18, 2019; accepted December 8, 2019
published December 30, 2019

Abstract. The relevance of the problem is determined by contemporary social dynamics associated with a change in the forms of communication and methods of self-regulation. Informatization, virtualization, digitalization are the most common basis for changing social reality and the formation of a new communicative space. Its feature is the expansion of the reality of social interactions through the growing importance of its virtual forms. Objective changes in communicative reality require appropriate skills for their regulation. In the space of virtual reality, self-regulation plays the main role, and the communicative competence of the individual is its main mechanism. The competence of a person in the space of virtual reality is presented as the ability to maintain their sociality through the possession of moving knowledge, values, norms, skills, ways of behavior in a changing social reality. The methodology for the study of the issue was determined by the concepts of social space (P. Bourdieu), modern complex society (J. Urry, Z. Bauman, S. A. Kravchenko), the information society (M. Castells), social reality (A. Shuts). Based on them, the concept of communicative competence is developed in a virtual environment of interactions. The definition of the communicative space of virtual reality and the communicative competence of the personality in a changing reality is given. The changes occurring in communicative competence are substantiated under the influence of virtuality. The most significant characteristics of its structure are highlighted: the formation of another mechanism for the formation of communicative competence, the shift from the adoption of an institutional model to its design; mobility of norms and practices of interactive interaction, reflective self-regulation of individual interactions and subject validation of information reliability. Increased flexibility and mobility of communication; acceleration, installation on surface contacts and optionality, emotional autonomy, decreased empathy and “network jargon” as a form of rationalization of communicative interactions.

Keywords: social virtual space; changing social reality; communicative competence of a personality; sociality of the personality; riskogenicity and integration of modern society.

Information for citation: Zubok Y. Al., Chankova E. V. (2019), "Communicative competence of the personality in the space of virtual reality", *Research Result. Sociology and management*, 5(4), 139-150. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-12

Введение (Introduction). Глобальные изменения последних лет выразились в нескольких определяющих трендах, существенно повлиявших на жизнедеятельность индивидов и групп. Одним из таких трендов стала цифровизация и ее следствие – виртуализация. Широта покрытия территорий и вовлеченность людей в интернет-коммуникации прирастает чрезвычайными темпами. По данным ВЦИОМ¹, 45% россиян старше 18 лет пользуются хотя бы один раз в день какой-либо социальной сетью. Максимальный уровень вовлеченности зарегистрирован у молодежи – в группе 18-24 года ежедневно пользуются социальными сетями 91%, но и среднее поколение является активным участником сетевых коммуникаций. Следовательно, виртуальные формы взаимодействий – неотъемлемая часть социального пространства и социальной реальности большинства россиян. Овладение навыками коммуникации в этих условиях становится самостоятельной задачей акторов и свидетельствует об уровне их коммуникативной компетентности.

Под социальной реальностью понимается «вся совокупность объектов и событий в социокультурном мире как объекте обыденного сознания людей, живущих своей повседневной жизнью среди себе подобных и связанных с ними разнообразными отношениями интеракций» (Щюц, 1994: 485). Исходя из феноменологического подхода к пониманию реальности, ее основу составляют не столько объективные различия социальных феноменов (социальная действительность), сколько их субъективное восприятие (социальная реальность) на уровне

обыденного сознания людей в процессе их взаимодействий. Реальными видятся те объекты, которые осознаны как пространство собственной деятельности, в частности, коммуникации. В этом залоге индивид строит свои объективные социальные связи и отношения, исходя из представлений о действительности, сформированных опытом.

Изменение опыта и переосмысление представлений становится условием формирования новых оснований и способов коммуникации. Конструирование принципиально новых или переосмысление прежних образцов взаимодействия (Бергер, Луман, 1995) является предпосылкой изменения коммуникативной реальности. В свою очередь, изменяющаяся коммуникативная реальность выступает условием изменения коммуникативной компетентности личности. Изменчивость как имманентная черта реальности и интенсивность этого процесса, особенно четко проявившаяся в виртуальной среде, делает коммуникацию объектом постоянного конструирования и переконструирования, а коммуникативную компетентность – объектом саморегуляции.

Методология и методы (Methodology and methods). Если коммуникация определяется как один из видов социальной деятельности, направленных на поддержание связи объектов материального и духовного мира путем передачи и обмена информацией в процессе межличностного и социального взаимодействия², то коммуникативная компетентность призвана поддерживать необходимые для этого знания, навыки, умения, мотивацию, ценности, убеждения,

¹Данные опросов ВЦИОМ от 12.02.2018 г. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8936> (дата обращения: 01.10.2019).

²Социологическая энциклопедия: В 2 т. / Национальный общественный научный фонд; Рук. проекта Г. Ю. Семигин; гл. ред. В. Н. Иванов. М.: Мысль, 2003. Т. 2. С. 863.

способности (Дж. Равен, Т. Ю. Базаров, Ю. М. Жуков, Л. А. Петровская, И. А. Зимняя, Л. М. Митина) Если эффективность коммуникации осмысливается через обратную связь³, приводящую к достижению некой целостности сообщества, то коммуникативная компетентность будет включать такой параметр как устойчивость социальных взаимодействий и связей и их результативность в аспекте поддержания определенного уровня социальной интеграции. В таком случае под коммуникативной компетентностью понимается способность и готовность личности оптимизировать взаимодействие с учетом взаимных ожиданий и установок, общих интересов и ценностей. И результатом коммуникации с большей вероятностью станет сближение.

Исходя из сказанного, определяющим становится обмен смыслами и понимание, умение и способность людей передавать и понимать смыслы, обеспечивая обратную связь. Регулирующую функцию берет на себя общественная структура. Она базируется на совокупности устойчивых ценностно-нормативных ориентиров, определяющих социальные интеракции и социальную жизнь. Данные ориентиры закрепляются в статусно-ролевых ожиданиях индивидов и групп, задающих параметры коммуникации. Их интериоризация и включение в практики коммуникативного взаимодействия является показателем коммуникативной компетентности личности.

Однако такая задача может успешно решаться личностью в условиях относительной нормативной устойчивости и статусно-ролевой позиционности коммуникативного пространства с четко очерченными правилами и предсказуемо результативными практиками, в случае соблюдения этих правил. Формирование коммуникативной компетентности сводится к успешному освоению образцов,

регулируемых наиболее общими представлениями о норме. В ситуации изменчивости с присущей ей эрозией нормативности этот процесс регулируется множественными ситуативными конвенциональными нормами, возникающими на основе индивидуальной и групповой рефлексии пространства коммуникации и ее образа.

В связи с этим целью исследования является обоснование особенностей коммуникативной компетентности личности как субъективно конструируемого феномена. Такой подход связывается с пониманием личности как самоорганизующего начала, что наиболее ярко проявляется в сетевом взаимодействии, т.е. в пространстве виртуальной реальности.

«Виртуализация, – пишет Д. В. Иванов, – это любое замещение реальности ее симуляцией/образом – не обязательно с помощью компьютерной техники, но обязательно с применением логики виртуальной реальности. Эту логику, отмечает автор, можно наблюдать и там, где компьютеры непосредственно не используются. Например, виртуальной экономикой можно назвать и ту, в которой хозяйственные операции ведутся преимущественно через Internet, и ту, в которой спекуляции на фондовой бирже преобладают над материальным производством. Виртуальной политикой можно назвать борьбу за власть и посредством агитации с помощью web-страниц или пресс-конференций в Internet, и посредством рекламных акций в телестудии или на концертной площадке» (Иванов, 2000: 96).

Под влиянием виртуализации изменяются образы мира и способы взаимодействия людей. Интернет-коммуникации приводят к изменениям в представлении человека о самом себе, оно становится неотделимым от информации о нем во внешнем мире (Козоларида, 2007). В образе мира преодолеваются не только реальные, но и символические границы, расширяется доступность его частей. В

³Словарь психологических развивающейся терминов. М.: Наука, 2010. С. 241.

общее коммуникационное поле вовлекаются разнородные группы, прежде никогда бы не имевшие шанса на контакт в реальной жизни. Происходит интенсивная диффузия любых социокультурных образцов. Формируется особый тип пространства, в котором соединяются его реальные и виртуальные образцы, дополняющие и продольжающие друг друга при заметной доминанте виртуального.

Если физическое пространство «...определяется по взаимным внешним сторонам образующих его вещей» и «может быть определено как площадь, поверхность или объем, который занимает агент или предмет» (Бурдьё, 1993: 33). Социальное пространство – как «структура рядоположенности социальных позиций» (Бурдьё, 1993: 33), в котором индивиды выступают как социальные агенты и «...помещены в некое место социального пространства, которое может быть охарактеризовано через его релятивную позицию по отношению к другим местам (выше, ниже, между и т.п.) и через дистанцию, отделяющую это место от других» (Бурдьё, 1993: 33), а позиционность является важнейшей характеристикой взаимодействия в социальном пространстве, то виртуальность, отмечает Д. В. Иванов, отражает ситуацию, в которой «конкуренция образов замещает конкуренцию институционально определенных действий». Поскольку «...виртуальная реальность – это искусственно созданная информационная среда, существующая в режиме интерфейса «человек – компьютер» (Ладов, 2004: 19), то виртуальными интеракциями являются взаимодействия человека с другими социальными акторами, опосредованные компьютером. Однако социальное содержание виртуализации, согласно Д. В. Иванову, состоит в симуляции институционального строя общества, что первично по отношению к содержанию техническому» (Иванов, 2000: 96). Данное обстоятельство имеет принципиальное значение для понимания способа существования современного коммуникативного пространства и меха-

низма формирования коммуникативной компетентности.

Если социальное пространство «...является социально обозначенным и сконструированным» (Бурдьё, 1993: 35), то виртуальное в еще большей степени подвержено конструированию. Поэтому формирующееся в этих условиях пространство коммуникативных интеракций является социальным конструктом, возникающим, прежде всего, в сознании и в практиках самих индивидов. Прирастающее новыми формами и позициями, оно видится через призму субъективной реальности акторов, т.е. через «лупу» сформированного образа коммуникации. В этом образе – когнитивно сформированном и эмоционально пережитом – отражаются наиболее распространенные его черты, собранные воедино опытом взаимодействия в этом пространстве и знаниями о его устройстве, приобретаемыми в интересующих взаимодействиях. В ходе спонтанных коммуникаций постепенно формируются новые нормы. Отражаясь в индивидуальном сознании, они встраиваются в систему представлений людей и воплощаются в конкретных практиках коммуникации, обретая массовый характер. Накопление опыта коммуникативных взаимодействий, организуемых в определенном режиме, и его распространение в определенной среде способствует закреплению соответствующего образа коммуникации в групповом сознании и практиках, становясь частью реальности.

Именно через опыт взаимодействий формируется не только образ пространства, но и представления об оптимальном типе коммуникации, о способах ее организации. В современном обществе происходит радикальная трансформация пространства и времени, которая представлена М.Кастельсом в концепции сетевого общества с пространством потоков и вневременного времени (Castells, 2010). Эти координаты составляют материальный фундамент

новой культуры «информационального общества». В соответствии с концепцией виртуальной реальности (Castells, 2010), (Elliot, Urry, 2010) и др. в информациональном обществе (терминология Кастельса М.) все культурные формы адаптируются к системе, подчиняясь ее логике и языку в условиях изменившихся параметров социального пространства и времени. Многоузловая сеть коммуникаций влияет на характер культурных форм выражения и имеет важные последствия для социальных форм и процессов, что отражается и в характеристиках коммуникативного пространства, и в коммуникативной компетентности личности.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Исходя из толкования ключевых понятий – социального пространства, социальной реальности и виртуальности *коммуникативное пространство виртуальной реальности может определяться как искусственно созданная среда интеракций, осуществляемых посредством сетевого взаимодействия.* Коммуникативная компетентность включает в себе культурные характеристики коммуникации виртуальности и закрепляет их в социальных практиках. В данных интеракциях человек замещен своим виртуальным представителем – электронной почтой, скайп-именем, ником в блогах, чатах, сетях, твиттере, номером телефона в мессенджерах и т.п. Специфика данного взаимодействия проявляется в дистанционности, анонимности и воображении. Человек может выступать в интеракции как под собственным именем, так и вымышленным, или анонимно. Это создает ситуацию неопределенности и формирует открытую социальную реальность, подлежащую распознаванию, воображению и достраиванию путем индивидуального выбора адекватных способов. Поиск и отбор таких способов отражает уровень компетентности личности.

Отражая эти изменения, коммуника-

тивная компетентность в «виртуальности» приобретает новые черты по сравнению коммуникативной компетентностью в «реальности», что проявляется в способности личности к установлению интеракций в условиях изменяющихся потоков пространства и времени, гибкой, «текучей» позиционности. Изменение нормативных, пространственно-временных характеристик и персональные возможности личности отвечать на изменившиеся условия освоением новых форм коммуникации определяют индивидуализацию темпоритмов коммуникативных интеракций. Индивидуальные темпоритмы и формы коммуникации становятся предметом саморегуляции, что отражается в коммуникативной компетентности. То есть, *саморегуляция индивидуальных режимов коммуникации в сетевых интеракциях является особенностью коммуникативной компетентности личности в виртуальной реальности.*

Постоянное присутствие в сетевом пространстве само по себе становится особой коммуникативной компетентностью. Порождается сетевая культура постоянного присутствия в коммуникации – «бытия на связи» – готовности к виртуальным интеракциям в любой момент времени. Одновременное вовлечение в разные формы интеракций становится причиной симбиотических явлений в коммуникативной реальности. Так, появляется новая система коммуникативно-временного этикета, когда моментальность ответа более приоритетна, чем его продуманность. *Это требует мобильности и гибкости как составных частей коммуникативной компетентности в условиях виртуальной среды.*

При этом возникает проблема совместимости, вытекающая из противоречия между разными образцами коммуникации и присущими им формами социальности. Проблему совместимости традиционных и новых форм социальности М. Кастельс видит как фундаментальную для современной социальной

реальности, логика «пространства мест» традиционного общества вступает в противоречие с логикой «пространства потоков» новых форм социальности. Данное обстоятельство диктует изменения в структуре виртуальной коммуникативной компетентности на ценностно-нормативном уровне, по сравнению с относительной стабильностью реальности – когда в виртуальности требуется осознание себя человеком мира, но не человеком места.

Распространение актуальной информации в Интернете мгновенно, в частности, в силу отсутствия посредников в виде СМК – характеризует социальное пространство виртуальных коммуникаций. Социальным последствием отсутствия фильтров достоверности при моментальности, текучести, быстром изменении информации становятся крайние – экстремальные – проявления рискофобии и рискофилии (Кравченко, 2016). Растет тенденция к «цифровому детоксу» (Tufekci, 2012) – постоянному или временному отказу от сетевой коммуникации. И в то же время имеет место отклонение от дозированной виртуальных коммуникаций (Цыганков, Мальнин, Егоров, Хвостиков, 2007). Нормой становится утрата доверия друг к другу, к авторитетам, в частности, к различным экспертам, СМИ, власти. А коммуникативная компетентность проявляется в поиске достоверной информации по субъективным критериям валидности. То есть, в виртуальной коммуникативной компетентности характерна тенденция к созданию субъективных критериев отношения и поведения, что есть проявление саморегуляции в условиях риска.

Вместе с тем, как утверждается некоторыми авторами, современное взаимодействие не устраняет потребность в реальном взаимодействии (Урри, 2013) Это, с одной стороны, придает дискусионность утверждению о вытеснения реальных интеракций

виртуальными. А с другой стороны, ставит вопрос о степени их совмещения и такой особенности коммуникативной компетентности, как доминирование паттернов, в большей мере релевантных виртуальности.

Возможность передавать короткие сообщения в телефонной связи (Shot Mobil Service) сформировала особый язык, отличающийся лаконичностью и упрощенностью – активно применяется в виртуальном взаимодействии и привело к появлению так называемому интернет-фольклору. И, хотя, как отмечают исследователи, рано говорить об их переходе в устойчивые элементы культуры и участия в создании фонда языка (Ахапкина, Рахилина, 2014), тем не менее, они прочно утвердились в коммуникативных сетевых практиках. То есть, для коммуникативной компетентности в виртуальной среде характерна рационализация языковых форм, выраженная в овладении «сетевой жаргонизацией».

В силу особенностей виртуальной среды как реальности открытого типа, ключевыми признаками сетевой личности, взаимодействующей в Интернет-пространстве, являются самотворение и самоконструирование (Галкина, 2010). Выделенные качества указывают, прежде всего, на трансформацию позиционности как важнейшей характеристики социального пространства, что приводит к изменениям и в коммуникативной компетентности: принятие готового образца сменяется субъектным конструированием коммуникативного пространства. Подобные изменения в полной мере отвечают параметрам сложного общества (С. А. Кравченко, З. Бауман, Н. Луман и др.) как нелинейной самоорганизующейся системы, основанной на рефлексии. Нелинейность как одно из основных свойств такой системы, обозначает наличие множества потенциальных стационарных состояний, допускающих различные законы в поведении этой

системы (Василькова, 1999). Различные состояния вызывают множественность вариантов развития интеракции, вариативность ее стилей и способов саморегуляции. Множественность, характерная для современной социальной системы в целом, в виртуальной реальности проявляется специфическими особенностями коммуникации и требует соответствующих компетентностей.

В условиях нелинейности и непредсказуемости виртуальной среды актуальны коммуникативная стрессоустойчивость и пластичность (Bauman, 1998), умение отслеживать направленность изменений коммуникативной среды (Кравченко, 2016), интериоризация «культуры риска» как формирования лояльности и открытости любым изменениям – позитивным и негативным (Giddens, 2007). Иными словами, *необходимой становится интериоризация изменчивости как имманентной составляющей виртуального взаимодействия.* Для сохранения устойчивой позиции в изменяющейся системе взаимодействий – «в потоке» – личности *необходимы навыки быстрого освоения постоянно совершенствующихся коммуникативных технологий.* Стремительно изменяющиеся параметры коммуникации сложного общества вынуждают индивида к решению непрерывного потока задач (Луман, 2004), что приводит к появлению коммуникативной компетентности для пространства виртуальной реальности со своими отличительными чертами – в данном случае мобильности в условиях многозадачности.

Современные процессы сочетания глобального и локального (Castells, 2010) в социальном пространстве приводит к автономизации людей в разных социокультурных мирах и развитию отношений «без обязательств» (Bauman, Donskis, 2013), *возможности не учитывать ожидания участников коммуникации.* Данная особенность указывает на изменения коммуникативной

компетентности личности в условиях виртуальности по сравнению с реальными интеракциями, смену ролевых позиционных распределений участников интеракции с ожидаемых на непредсказуемые. Сиюминутные ситуативные виртуальные возможности распространяются на межличностные отношения и их дискурс общения. Данный дискурс проявляется, в частности, в распространении необязывающих социальных контактов и сокращении устойчивых отношений, характерных для реального взаимодействия. *Мобильность в виртуальной коммуникативной компетентности проявляет себя, с одной стороны, в способности быстрого реагирования и перестраивания, с другой стороны – в быстром и легком расставании, что нехарактерно для межличностных отношений.*

Исходя из понимания социальных коммуникаций (Ю. Хабермас, Н. Луман, Ф. И. Шарков, Т. М. Дридзе, Э. Ф. Макаревич), в сообщениях другому передается не только информация, но и заложенный в ней личностно значимый смысл, который должен быть понят адресатом. Понимание другого, таким образом, является сущностным признаком коммуникации. Пониманию близка по смыслу эмпатия как способность распознавать и сопереживать эмоциям и чувствам, передающего смыслы адресанта. Смысловая и эмоциональная составляющие интеракций оказываются дихотомическими в межличностной коммуникации и соответствующей ей коммуникативной компетентности.

Вместе с тем усиление интенсивности интерактивных потоков требуют все большей рационализации и прагматического действия, что отражено в идее макдольнизации (Ritzer, 2013). Рост скорости приводит не только к ускорению в технологиях обслуживания, но и формированию образцов «инстант-культуры» как поверхностной ситуативности (Зубок, Яковук, 2008). Быстрая

коммуникация становится в один ряд с фаст-фудом и быстрым сексом, отражая отсутствие времени на отложенное вознаграждение. Отсутствие глубоких чувств и привязанностей становится формой рационального восприятия ускорения изменчивости и продуцирует дегуманизацию коммуникативных интеракций, снижение ценности переживаний и понимания, прочных социальных отношений. В коммуникативной компетентности виртуальной реальности это проявляется в эмоциональной автономности и сниженной эмпатии, неустойчивости обратной связи и поверхностных контактах при их растущей скорости и мгновенности. Таким образом, виртуальная социальная реальность, с одной стороны, обладает чертами деструкции, определяя подвижность норм и ценностей в коммуникативной компетентности личности. С другой – активное формирование новых множественных норм, обладающих непродолжительным сроком валидности. Этот процесс протекает на фоне общей тенденции «нормализации аномии» (Кравченко, 2014).

Попытка взглянуть на ведущие современные социологические концепции с позиции выявления особенностей взаимодействия в виртуальном пространстве выразилась в следующих его характеристиках:

- *интериоризация изменчивости как имманентной составляющей нелинейной социального пространства;*
- *ценностно-нормативные изменения;*
- *саморегуляция индивидуальных темпоритмов личности в сетевых интеракциях;*
- *навыки быстрого освоения постоянно совершенствующихся коммуникативных технологий;*
- *повышенная гибкость и мобильность в коммуникации;*
- *автономность, сниженная эмпатия, необязательность обратной связи, ценностные ориентации на поверхност-*

ные контакты, радикально изменяющие представления о социальности в прежнем виде;

- *тенденция к созданию субъективных критериев отношения и поведения как проявление саморегуляции в условиях риска;*

- *«сетевая жаргонизация» как коммуникативное умение, характеризующее коммуникативную компетентность в виртуальности;*

- *появление иного механизма формирования коммуникативной компетентности – с принятия институционального образца поведения на самоконструирование своего жизненного пространства, своей субъективной реальности.*

Заключение (Conclusions). Итак, в коммуникативной компетентности личности решающую роль играет способность личности сохранять свою социальность посредством подвижных ценностей и конструирования гибкой, индивидуальной социокультурной нормы коммуникации на основе следующих принципов: 1) интериоризации изменчивости как имманентной характеристики пространства коммуникативной реальности; 2) опознавания и типизации ожиданий акторов; 3) рационализации собственных ожиданий и действий с учетом изменяющихся норм и ожиданий других; 4) рефлексии социокультурных оснований коммуникативных взаимодействий; 5) выработки новых норм коммуникации и коммуникативных практик; 6) самостоятельного регулирования коммуникативных взаимодействий на основе рефлексивного выбора ее оптимального режима (Чанкова, 2018).

В коммуникативном пространстве виртуальной реальности названные особенности коммуникативной компетентности конкретизируются в следующих формах: в изменении самого механизма формирования коммуникативной компетентности, в котором происходит смещение от принятия институционального образца к конструированию новых или переосмыслению прежних образцов;

подвижность норм и практик интерактивного взаимодействия; рефлексивная саморегуляция индивидуальных интеракций на основе субъектной валидации и выбора режимов интеракции. В саморегуляции коммуникативных интеракций преобладает рационализация, выражаемая в гибкости и мобильности коммуникации, ускорении и установке на поверхностные контакты, необязательность как отражение сиюминутности, эмоциональная автономность, снижение эмпатии и «сетевая жаргонизация». В разных сферах жизнедеятельности выделенные признаки проявляются по-своему.

Список литературы

Ахапкина Я. Э., Рахилина Е. В. Современный русский язык в интернете. М.: Языки славянской культуры, 2014. 326 с.

Базаров Т. Ю. Компетенции будущего: Квалификация. Компетентность. (критерии качества). URL: https://www.lecture_06.html (дата обращения: 14.11.2019).

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995.

Бурдые П. Физическое и социальное пространство: проникновение и присвоение // Социология политики. Пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. С. 33-52.

Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (Синергетика и теория социальной самоорганизации). СПб.: Изд-во Лань, 1999. 480 с.

Дридзе Т. М. Социокультурная коммуникация: текст и диалог в семиосоциопсихологии // Социокультурное пространство диалога. М.: Наука, 1999. С. 58-78.

Жуков Ю. М. Коммуникативный тренинг. М.: Гардарики, 2003. 223 с.

Зимняя И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата современного образования // Интернет-журнал «Эйдос» (дата обращения: 14.11.2019).

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Изменяющаяся социальная реальность в кризисном российском обществе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10, № 1. С. 41-57.

Зубок Ю. А., Яковук Т. И. Духовная жизнь молодежи в трансформирующемся обществе. Брест: Альтернатива, 2008.

Иванов Д. В. Виртуализация общества. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. URL: http://lib.ru/POLITOLOG/ivanov_d_v.txt. (дата обращения: 14.11.2019).

Ильин В. И. Всемирный конгресс социологов: лицом к лицу с социальным неравенством // Журнал социологии и социальной антропологии. СПб., 2014. № 3. С. 12-14.

Колозарди П. Как интернет и социальные сети меняются вместе с пользователем // Спецпроект IQ. HSE.RU «Социальные сети. Что нового соцсети позволяют узнать о человеке и обществе. URL: www.iq.hse.ru/networks/ (дата обращения: 31.08.2019).

Кравченко С. А. Социология риска и безопасности. М.: Изд-во Юрайт. 2016. 302 с.

Кравченко С. А. «Нормальная аномия»: контуры концепции // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 3-10.

Ладов А. В. VR-ФИЛОСОФИЯ (философские проблемы виртуальной реальности). Томск: Изд-во ТГУ, 2004. 62 с.

Луман Н. Общество как социальная система. Пер. с нем. А. Антоновский. М.: «Логос», 2004. 232 с.

Люблинский В. В. Социальная политика в условиях развития сетевого общества // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10, № 3. С. 26-29.

Макаревич Э. Ф. Коммуникационное влияние на современные социальные изменения // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2015. № 5. С. 5-16.

Митина Л. М. Психология профессионального развития. М., 1998.

Равен Дж. Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация. М., 2002.

Словарь психологических терминов. М.: Наука, 2010. 241 с.

Социологическая энциклопедия: в 2 т. / Национальный общественный научный фонд / Рук. проекта Г. Ю. Семигин, гл. ред. В. Н. Иванов. М.: Мысль, 2003. Т. 2. 863 с.

Урри Дж. Мобильность и близость // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 3-13.

Хабермас Ю. Моральное сознание и

коммуникативное действие. Пер. с нем.; под ред. Д. В. Складава. СПб.: Наука, 2010. 382 с.

Цыганков Б. Д., Мальнин Р. Р., Егоров А. Ю., Хвостиков Г. С. Нехимические аддикции: патологическая игровая зависимость, Интернет-зависимость, зависимость от компьютерных игр // Вопросы наркологии. 2007. № 4. С. 18-38.

Чанкова Е. В. Коммуникативная компетентность личности в условиях изменяющейся социальной реальности: дис. ... д-ра социол. наук. М., 2018. 382 с.

Шарков Ф. И. Коммуникология. Основы теории коммуникации. М.: Из-во Дашков и К^о, 2013.

Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль; Под ред. В. И. Добренкова. М.: МГУ, 1994. 496 с.

Bauman Z., Donskis L. Moral Blindness The Loss of Sensitivity in Liquid Modernity. Cambridge: Polity Press, 2013. Pp. 14-15.

Bauman Z. Globalization: The Human Consequences. New York: Columbia University Press, 1998.

Boswell W. R., Olson-Buchanan J.-B. The Use of Communication Technologies After Hours: The Role of Work Attitudes and Work- Life Conflict // Journal of Management. 2007. Vol. 33, № 4. Pp. 592-608.

Castells M. The Information Age: Economy, Society, and Culture. Volume 1: The Rise of the Network Society. 2nd ed. Oxford: Wiley Blackwell, 2010. 406 p.

Elliot A., Urry J. Mobile Lives. London: Routledge, 2010.

Giddens A. Europe In The Global Age. Cambridge: Polity, 2007.

Ritzer G. The Mcdonaldization of Society. USA: University of Maryland Sage, 2013.

Tufekci Z. Facebook, Youth and Privacy in Networked Publics // Proceedings of the Sixth International AAA Conference on Weblogs and social Media. 2012, Pp. 338-345.

References

Akhapkina, Ya. E., Rakhilina, E. V. (2014), *Contemporary Russian language in the Internet*, Yaziki slavyanskoy kulturi, Moscow, Russia. (In Russian).

Bazarov, T. Y. *Competences of the future: Qualification. Competence. (quality criterion)* [Online], available at: <https://www.системе>

lecture_06.html (Assessed 14 November 2019). (In Russian).

Berger, P. and Luckmann, T., (1995), *The social construction of reality. A treatise in the sociology of knowledge*, Translated by Rutkevich, E. Medium, Moscow, Russia. (In Russian).

Bourdieu, P. (1993), *Physical and social spaces: penetration and appropriation (Sociology of politic)*, Translated by Shmatko, N., Socio-Logos, Moscow, Russia. (In Russian).

Vasilkova, V. V. (1999), *Order and chaos in the development of social systems: Synergetics and theory of social self-organization*, Lan, St. Petersburg, Russia. (In Russian).

Dridze, T. M. (1999), "Sociocultural communication: text and dialogue in semiosocial psychology", in *Socio-cultural space of dialogue*, Nauka, Moscow, Russia, 58-78. (In Russian).

Zhukov, Yu. M. (2003), *Communication training*, Gardariki, Moscow, Russia. (In Russian).

Zimnjaya, I. A. "Core competence – a new paradigm of modern society" [online], available at: Internet-journal Eidos (Assessed 01 November 2019). (In Russian).

Zubok, Y. A. and Chuprova, V. I. (2017), "Changing social reality in a crisis-ridden Russian society", *Economic and social changing: facts, trends, forecast*, 10 (1), 41-57. (In Russian).

Zubok, Y. A. and Yakovuk, T. I. (2008), *The spiritual life of youth in a transforming society*, Alternativa, Brest, Belarus. (In Russian).

Ivanov, D. V. (2000), *Society Virtualization* [online], available at: http://lib.ru/POLITOLOG/ivanov_d_v.txt. (Assessed 14 November 2019). (In Russian).

Ilyin, V. I. (2014), "International sociological congress: face to face with social inequality", *Journal of sociology and social anthropology*, (3), 12-14. (In Russian).

Kolozaridi, P. (2017), *How the Internet and social networks are changing with the user*, Special project IQ, HSE.RU Social Networks, What new social networks allow you to learn about a person and society [online], available at: www.iq.hse.ru/networks/, (Assessed 31 August 2019). (In Russian).

Kravchenko, S. A. (2016), *Sociology of risk and safety*, Yurajt, Moscow, Russia. (In Russian).

Kravchenko, S. A. (2014), "'Normal anomie': the contours of the concept", *Sociologicheskie issledovaniya*, (8), 3-10. (In Russian).

Ladov, A. V. (2004), *VR-FILOSOFY (filosofical problems of virtual reality)*, TSU,

Tomsk, Russia. (In Russian).

Luman, N. (2004), *Society as a social sistem*, Translated by Antonovskiy, N., Logos, Moscow, Russia. (In Russian).

Lyublinskiy, V. V. (2019), "Social policy in conditions of development network community", *Bulletin of the Institute of Sociology*, 10 (3), 26-29. (In Russian).

Makarevich, E. F. (2015), "Communicative influence on today's social processes", *Scientific works of Moscow Humanitarian University*, (5), 5-16. (In Russian).

Mitina, L. M. (1998), *Psychology of professional development*, Moscow, Russia. (In Russian).

Raven, J. (1984), *Competence in modern society*, Translated from English, Moscow, Russia. (In Russian).

Dictionary of psychological terms (2010), Nauka, Moscow, Russia. (In Russian).

Sociological Encyclopedia (2003), National public science foundation, Misl, Moscow, Russia. (In Russian).

Urri, J. (2013), "Mobility and proximity", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (2), 3-13. (In Russian).

Habermas, J. (2010), *Moral consciousness and communicative action*, Translated from German, in Skladov, D. (ed.), Nauka, St. Petersburg, Russia. (In Russian).

Tsigankov, B. D., Malnin, R. R., Egorov, A. Yu. and Hvoshtikov, G. S. (2007), "Non-chemical addictions: pathological gambling addiction, Internet addiction, addiction to computer games", *Addiction issues*, (4), 18-38. (In Russian).

Chankova, E. V. (2018), "Communicative competence of the personality in the conditions of changing social reality", D.Sc. Thesis, Institute of Social and Political Researchs of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. (In Russian).

Sharkov, F. I. (2013), *Communicology. Basis of the theory of communication*, Dashkov&K^o, Moscow, Russia. (In Russian).

Shuts, A. (1994), "The formation of concepts and theory in the social sciences", in *American sociological thought*, Moscow, 485-496. (In Russian).

Bauman, Z. and Donskis, L. (2013), *Moral Blindness The Loss of Sensitivity in Liquid Modernity*, Polity Press, Cambridge, UK.

Bauman, Z. (1998), *Globalization: The Human Consequences*, Columbia University Press, New York, USA.

Boswell, W. R. and Donskis, L. (2013), "The Use of Communication Technologies After Hours: The role of Work Attitudes and Work-life conflict", *Journal of Management*, 33 (4), 592-608.

Castells, M. (2010), *The Information Age: Economy, Society, and Culture. Volume 1: The Rise of the Network Society*. 2nd ed. Wiley Blackwell, Oxford, UK.

Elliot, A. and Urry, J. (2010), *Mobile Lives*, Routledge, London-New York.

Giddens, A. (2007), *Europe In The Global Age*, Polity, Cambridge, UK.

Ritzer, G. (2013), *The Mcdonaldization of Society*, University of Maryland Sage, USA.

Tufekci, Z. (2012), "Youth and Privacy in Networked Publics", *Proceedings of the Sixth International AAA Conference on Weblogs and social Media*, California, USA, 4-7 June 2012, 338-345.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Зубок Юлия Альбертовна, заведующая Центром социологии молодежи Института социально-политических исследований РАН, доктор социологических наук, профессор.

Чанкова Елена Вадимовна, научный сотрудник Центра социологии молодежи Института социально-политических исследований РАН, доктор социологических наук, доцент.

Yuliya Al. Zubok, Head of the Center for Sociology of Youth, Institute for Social and Political Studies, Russian Academy of Sciences, Doctor of Sociology, Professor.

Elena V. Chankova, Researcher, Center for Sociology of Youth, Institute for Social and Political Studies, Russian Academy of Sciences, Doctor of Sociology, Associate Professor.